

Иван РОГОЩЕНКОВ

г. Петрозаводск

Распутье культуры (соворность и глобализация)

*Распутье — притон нечистых духов,
на распутье ставят часовенку или крест.*

Владимир Даль. Толковый словарь

Единение человеческое, если взять даже простейшие потребности личностей, — не механическое, не как кирпичик к кирпичику. Куда сложнее, богаче, благодатнее единство духовно преображенных личностей.

Во второй половине девятнадцатого века К.Н. Леонтьев видел в Европе то, что называем теперь глобализацией: смешение и уравнивание обособленных культурно-бытовых слоев в каждом народе, стирание различий между странами и народами, утраты яркой самобытности личностями, их усреднение. Происходило это не из органической потребности духовного развития человечества. Такой ход событий навязан торгово-промышленно-технической составляющей европейской цивилизации, оправдан рациональным мышлением. Поэтому Леонтьев не мог не заключить: средний европеец — идеал и орудие всемирного разрушения. Максимилиан Во-

лошин писал о неизбежности кризиса материальной культуры, оторванной от совершенствования духовного («Путями Каина»).

В наше время главным деятелем глобализма явился средний американец; после финансово-промышленного кризиса 2008 года нетрудно понять: глобализация — идеал и орудие всемирного разрушения.

Порождение глобализации — «массовая культура», общепонятная для всех, легко усвояемая: популярно то, что попроще, низменнее. За технической изощренностью в ней не найдешь взлетов человеческого духа. Господствующий ее характер — сублимация на понижение, то есть сведение душевно-духовных качеств и состояний личности к телесно-низменным.¹

Создается, так сказать, правовое раздолье для мирового зла. Теперь оно, ранее наиболее зловеще проявлявшееся в войнах мировых и гражданских, воплотившись в «массовую культуру», беспрепятственно завоевывает души. Вселенский маскарад темных сил в обличье культуры.

Наша классика жила предощущением такого поворота событий. Вспомним «Бесов» Достоевского. Раннее стихотворение Лермонтова «Предсказание» («Наступит год, России черный год...») соотнесем с поэмой «Демон»; мрачный «мощный человек» стихотворения не что иное, как прообраз демона, сказавшего о себе: «Я – царь познания и свободы, Я враг небес, я зло природы». В «Белой гвардии» Михаила Булгакова (глава девятнадцатая) из царства антихриста идут «полчища аггелов» на город, за ними – «лик сатаны» (Троцкий). Герой «Мастера и Маргариты» сочинил роман... о дьяволе под его диктовку. Даже беглое сравнение «евангельских» глав романа с Евангелием убеждает в этом. В главе двадцать девятой Высшее Добро просит Воланда (дьявола) взять с собою мастера и наградить покоем. Сатанинская гордыня выдает автора романа.²

В книге «Михаил Булгаков. Великий канцлер. Князь тьмы» (Москва, 2000 г.) собраны варианты знаменитого романа, задуманного как роман о дьяволе. Чем ближе подходим к последней редакции, тем очевиднее: писатель наделяет своего героя-мастера своими страданиями и радостями, своей тягостной писательской судьбой, потому читатель сочувствует мастеру. Однако свои прозрения не доверил герою, оттого этот образ особенно трагичен, невольно задумываешься: всякие ли страдания человеческие увенчивает Творец?

Неужели не сообразим, что в современном мире необходимо сотрудничество деятелей традиционной культуры и правителей страны для блага духовного и материального?

Четверть века русскому читателю известны стихи и духовные песнопения иеромонаха Романа (Матюшина), они – исповедь, «горение ко кресту», если воспользоваться сказанным Е.Н.Трубецким об иконописи.

*Смири себя. И Бог тебя простит.
И узришь естество в ином звучанье.
И звездный мир, и дол сорастворит
В непостижимом таинстве молчанья.
Молчание, зовущее горе...
Великим ладом полнится творенье,
И в свете звезд, и в чуткости дерев –
Во всем я узнаю Божоявление.
Как близок Бог! Умом не разуместь.
Глаголом не коснуться дивной сути.
И только сердце не престанет петь,
Что Благ Господь! И Милостив! И Чуден!³*

С годами, сострадая и скорбя о жизни России современной, поэт-иеромонах все чаще роняет

«горько слово»: «Земля моя, ты, как душа моя, Таишь и благодать, и безысходность» («Внимая Божьему велению», с. 285), «Перед всеми душа виновата, А совесть острее ножа» («Перед всеми душа виновата», с. 71), «На земле родимой – Родина в опале. Разгулялась погань – и просвета нет» («Велению Божьему внимая», с. 340), «Россия – лазурное слово, Свечение Вести Благой, Последняя пристань Христова, И нет по Вселенной другой», «И злоба, и лай отовсюду, И натиски адовой тьмы... Россию спасет только чудо, Но вымолим чудо ли мы?» («Перед всеми душа виновата», с. 20).

Мы не устояли перед приливом мирового зла: «Сам Господь нашей жизнью поруган, Человечество тонет во зле», «Миру славное – Господу мерзость: Мир не принял Христа, вот и все!» («Перед всеми душа виновата», с. 7,66)

В послесловии к книге «И горько слово...» иеромонах Роман пишет: «Мир погибает на глазах! Славящая Творца красота творенья не щадится! Уничтожается все, что бегают, летает, ползает, плавают и растут. И что же видим? Сама Земля начинает взывать к человечеству наводнениями, землетрясениями, ураганами! Не изменим себя – Земля начнет сбрасывать своих мучителей. /.../ В своих грехах обвинили Землю и Самого Господа! Окончательно презрев Путь Благословения, избрали путь проклятия, отринув Жизнь, устремились к смерти! Неужели человечество и у края пропасти не свернет с гибельного широкого пути самоуничтожения? Не свернет. Как свернуть влачимоу грехом невольнику? Как свернуть падающему в пропасть? И потому – горько слово».

Не минутный взрыв отчаяния, нет, – выразилось пережитое, сердцем прочувствованное, строго разумом проверенное. В слове горьком и прямом запечатлен вызревший, отстоявшийся опыт жизни. В этой же книге читаем (с. 22):

*В Алтаре аромат фимиама,
Свечи ризы узорят в окне.
В совершенном безмолвии Храма
Песня новая льется во мне:
Чудный Господи!
Дивный Господи!
Посещение Божие – милость!
Неожидан желанный приход.
Чует сердце – душа обновилась
И поет, благодарно поет:
Чудный Господи!
Дивный Господи!
Умиленной волною охвачен,
Замираю, восторгом объят.
А душа не насытится плачем:*

*И на браке от счастья слезят:
Чудный Господи!
Дивный Господи!*

Что же это за радость, восторг, умиление, счастье? Откуда они среди угнетаемого грехом человечества? Откуда сила духовная? Сила эта вела через смерть в бессмертие первых христиан, только соприкасающихся, но еще не смешавшихся с язычеством разлагающейся Римской империи (Аполлон Майков. «Два мира». Трагедия).

По учению св. Отцов, пишет Сергей Фудель в книге «Путь Отцов»⁴, мир и духовную силу страждущей до смерти душе дарует «первоисточная сила» – любовь-вера в Бога первых христиан: «В шуме истории все больше забывается тот сад, где было положено Тело Иисусово. На том месте, где Он распят, был сад и в саду гроб новый... Там положили Иисуса (Ин. XIX, 3 41-42)». Возрождение духа первоначальной Церкви завещано св. Отцами и новомучениками Российскими: «Наша церковная эпоха неуклонно идет к первохристианству, конечно, не археологически или «живоцерковно» возвращаясь к нему, а ища его впереди себя в истории как новую форму древней силы и совершенства. Господь укорил Ефесскую Церковь: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою (Откр. 2, 4). Вера ищет своей первой любви».

Возможно ли возрождение? – спросим себя сегодня.

«Первоисточная сила», по свидетельству иеромонаха Романа, и ныне даруется смирению, покаянию, очищению души и тела от мирских страстей, как учили св. Отцы; дарованная, она возвышает душу («Одинокий путь», с. 163):

*Ни слов, ни дум – всего лишен
И не жалею об утрате:
Душе настолько хорошо,
Что не вмещает Благодати!
И свет, и жизнь – не умолчать!
На красоту не насмотреться!
И хочется весь мир обнять
Своим помилованным сердцем!*

Учит любить греховное человечество («Одинокий путь», с. 37):

*За что любить Адамов род?
Ищу добро, ведь каждый знает:
Не дружит с Истиною тот,
Кто жертву с палачом ровняет.
Любите! – заповедь для всех.
Любовь не мыслит отвращения.*

*Судя не грешника, а грех,
Душа обходит уравниенье.
Пусть он разбойник иль кощун –
Оплатит сам дела ночные...
По-человечески – ищущу,
По благодати – все родные.*

Открывает высшее обоснование соборности («И горько слово», с. 166):

*А в **Отче наш** слова гласят
О единении сердец,
И если ты кому не брат,
То и тебе Бог не Отец.
Так осуждаемся, молясь.
Молитву всуе не читай!
Душа любовью облеклась?
Тогда к любви и приступай.*

Убеждает и в миру, помня Бога, традиции, жить активно и творчески («Перед всеми душа виновата», с. 26):

*Отметаю хоры́ лжеголовосиц,
Неприемлема тушинцев бредь.
Верю в русский народ-Богоносец
И за это готов умереть.
Очевидность являет примеры,
Что народ сам себя загубил.
Потому нам оставлена вера,
Чтоб рассудок вконец не добил.
Знаю, кто-то найдет непременно
И вторичность, и вычурность слов.
В век неправды, разврата, измены
Пусть осудят меня за любовь.*

Благое и доброе в человеке – от «первоисточной силы». Ежели с родственным вниманием вникнуть в историю русской классической литературы и религиозной философии, то найдем ее – «первоисточной силы» – вдохновляющее и озаряющее проявление, поиск новых форм древней силы и совершенства. Политические, философские, душевные страсти всю жизнь терзали противоречиями Тютчева. Где он находил опору и окончательное утверждение? В любви-вере.

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,*

*Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

А Лермонтов? Аполлон Майков видит в нем «позаманника Бога»: «Ему внимали мы в тиши, благоговей, Благоговение в нем свыше разумея» («На смерть Лермонтова»).⁵ Философ В.С. Соловьев признает в Лермонтове полученный от Бога гениальный творческий дар, но грех гордыни увлек поэта в нищезанятие и демонизм. Другой философ, Н.Ф. Федоров, решительно отвергает такой приговор.⁶ В статье «Грусть» историк В.О. Ключевский определяет основной тон поэзии Лермонтова, далекий от богоборчества. Иннокентий Анненский: «Лермонтов был безусловно религиозен. Религия была потребностью его души. Он любил Бога, и эта любовь давала в его поэзии смысл красоте, гармонии и таинственности в природе» («Книги отражений»).⁷

Лермонтов Божий дар почувствовал и осознал очень рано: «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала...» («1831-го, июня 11 дня»). Исток его поэзии – «желанье чудное», проникающее за пределы видимого. Одно из ранних стихотворений «Стансы» (1830):

*Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя, –
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.
Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит, –
Звук тихой арфы златострунной
Так с холодным ветром говорит.
Но слаще встретить средь моления
Ее слезу очам моим, –
Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.⁸*

Как ни понимать это «моление» – в храме, перед домашней иконой или как мольбу Тамары перед демоном «О, пощади», – в любом случае радость и драма человеческой любви на земле таинственно сопряжена со страданиями Спасителя на кресте. Плач херувима перед Распятием – любовь-вера первых христиан, «первоисточная сила».

Очевиден чистый источник поэзии Лермонтова, источник, чуждый греховному миру, что во зле лежит. Но поэт не ослеплен самим собою, не возносится горделиво, – он и в себе самом осознает

действующее мировое зло – грех Адамова потомства. Потому в его стихах и прозе являются демоны маленькие и большие. Среди них – Печорин, личность, по Леонтьеву, сильная и эстетически привлекательная. В жизни же от него – зло. Причина не в социальных условиях, а в нем самом: у Печорина, хотя он и не атеист, нет живой деятельной веры, «первоисточной силы», – как и у мастера из романа Булгакова. Тяжесть всеобщей греховности вызывает у Лермонтова мольбы к Богу – раскрыть тайну и смысл бытия:

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.
Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла.⁹*

Монолог откровенный, ничего в думах и чувствах не скрывающий, ничем себя не оправдывающий и не приукрашивающий. Монолог без лукавства – покаяние перед Богом.

Так поступает и библейский Иов: потеряв семью, здоровье, имущество, он возопил к Богу: за что? В чем смысл моих страданий? Его друзья ему: замолчи, ты кощунствуешь, кто ты такой, чтобы тягаться с Богом? Человеческие мудрствования Иов слушать не хочет, ждет Божьего откровения. Бог является и возвещает: Мой раб Иов лучше рассуждает обо Мне, чем его друзья. Почему? У архиепископа Сергия Страгородского и Владимира Лосского есть объяснение. Друзья Иова по-ветхозаветному почитают Бога только Господом, тогда как Он не только Господь, но Царь Царства небесного, Он не только господствующий, но и царствующий, Он спасающий и обоживающий: «Святы будите, – говорит Господь, – но не потому, что такова Моя воля, а потому, что Аз свят есмь».¹⁰ Друзья Иова лицемерят, сами того не подозревая, защищают права сатаны на неограниченное господство. Иов предвещник «первоисточной силы» Нового Завета. Иов оправдан, верю – и Лермонтов.

Сущностная переключка двух личностей, двух богопочитаний через непроницаемую толщу вре-

мен удивительна и знаменательна. Свидетельствует, что единство-соборность человеческая коренится в вечности, в глубинах-высотах Божьего домостроительства, что она задана нам как способ избавиться от злоупотребления дарованной свободой, указывает путь в праведность и жизнь, а не в грех и смерть. Вера в такую заданность награждала русскую поэзию надеждой, мужеством и силой. Максимилиан Волошин («Потомкам. Во время террора»):

*Стал человек один другому – дьявол,
Кровь – спайкой душ, борьба за жизнь – законом
И долгом – мечь. Но мы не покорились:
Ослушники законов вещества,
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей.¹¹*

Стало быть, возрождение возможно?

Н.К. Леонтьев считал, что греческие богословы – творцы, инициаторы, а наши русские – их ученики и подражатели. Однако же у Хомякова увидел нечто особенное: некоторые стороны его богословских трудов «никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления». ¹² Действительно, Хомяков не только как ученик подошел к святоотеческому богословию, но и как творец жизни: ставит во главу угла самое насущное для нового времени – возрождение «первоисточной силы», любви-веры в Бога первых христиан.

Соборность, по Хомякову, обожение в Церкви: единство свободных личностей в любви Христовой; свобода личностей тоже в единстве любви Христовой. Истина – внутреннее познание или вера – дается только взаимной любви во Христе; несвободные недостойны познания истины, а вне единства неспособны познать ее.

Дух Божий, – пишет Хомяков, – «дал нам разуметь, что правда Отца проявилась в свободном совершенстве Его возлюбленного Сына, ... что бесконечная любовь Отца проявилась в свободной любви Агнца Божия, принявшего заклание за Своих братьев. Все есть дело свободы: правда Христова, нас осуждающая, и любовь Христова, спасающая нас тем реальным и неизглаголаным единением, к которому Он нас допускает... /.../ Тайна нравственной свободы во Христе и единении Спасителя с разумной тварью могла

быть достойным образом открыта только свободой человеческого разума и единству взаимной любви, завещанной и увенчанной Духом Божиим в великий день Пятидесятницы...»¹³ В этих словах не проповедь морализма, в чем Хомякова упрекают, а созвучие, со-смыслие с богословием свт. Филарета Московского: «Любовь Отца – распинающая. Любовь Сына – распинаемая. Любовь Духа – торжествующая силой крестной». ¹⁴

Духовное согласие двух верных сынов Церкви, при всех личностных различиях, побуждает искать и находить единство в суждении других самобытных личностей.

Е.Н. Трубецкой («Смысл жизни»), скорее всего, независимо от И.В. Киреевского продолжает, развивает, обосновывает его учение о «верующем разуме». Киреевский: православное мышление «ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня – стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верой». ¹⁵ Мы живем, пишет Трубецкой, потому что есть Бог, сотворивший нас по своему образу и подобию. И мыслим, познаем, потому что есть Абсолютный разум, по благодати доступный нашим религиозным интуициям. Интуиции эти различны, ибо личны. Различия не должны вести к спорам, но к диалогам: личные интуиции имеют общую основу и дополняют друг друга. «Откровение не есть божественный монолог: оно – диалог, живая беседа между Богом и человеком, в котором человеческое сознание божественной мысли достигает высшего напряжения и высшей активности». ¹⁶

Единство в соборности – не формально-логическое равенство, а – сущностное. Сущность религиозных интуиций имеет личную оболочку (особенность образования и культуры), наслоения времени и места, влияния общественной и социальной среды, исторических условий жизни. В девятнадцатом веке животрепещущим оставался для отечественного самосознания вопрос о симфонии властей – государственной и духовной, государства и Церкви. Богословское обоснование проблемы принадлежит безусловно святителю Филарету (Московскому). Достоевский, по крайней мере в «Братьях Карамазовых», близок к нему. В русской религиозной философии взгляды на эту проблему, единые в основе, отличаются разнообразием важных оттенков.

Н.Я. Данилевский («Россия и Европа») утверждал, что Церковь – от Бога, врата адавы не одолеют ее. Государство русское – дело человеческое,

забота о нем должна быть неустанной, общественной: оно хранитель народа церковного, национальных традиций и обещает в будущем более совершенные формы, чем государства западные.

Для Леонтьева государство самодержавное – при наличии сильной мистической религии (Православие) – обеспечивает органическое развитие страны, народа: «Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности», «увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства».¹⁷

Для Н.Ф. Федорова внутренняя суть проповедуемого им общего дела – Православие, учение о Троице в храме как высшем идеале народной жизни; Самодержавие – общественное условие, при котором храмовое учение о Троице станет общим делом народа вне храма.

Хомяков утверждает: верующие, воцерковленные люди только живут в государстве, а не от государства. Основа основ спасения – Церковь, при сильной Церкви государство помощник ей и защитник. Нет такой Церкви – государство поработит ее достояние – народ церковный.

Выступление Леонтьева против «розового христианства» Достоевского – не вне, а в сущности соборности, здесь взаимоуточнение и взаимодополнение, ибо никому в отдельности не доступна полная истина. Леонтьев указывал, что ранние славянофилы ошибались, чрезмерно веря в западных славян, он жил в другую эпоху и увидел перемены, которых не знали (или не хотели знать) Хомяков и Киреевский. Болгары после освобождения от турок русскими в 1877–1878 годах поспешили принять самую демократическую западную конституцию, – с горечью отметил Константин Николаевич.

Всех писателей, мысли и суждения которых составили основу статьи, нельзя выстроить последовательно друг за другом, хотя в разное время, но в одной, так сказать, упряжке. Нет, они спорили между собой, кто-то кого-то вовсе не знал. Не это важно. Главное другое: все они молились в одном Соборе, одному Богу, тут исток не формальной – сущностной соборности. Все они искали и предлагали действенные меры для исцеления недугов государственного организма в отличие от либералов и революционеров, сознательно стремившихся обострить болезнь, чтобы в суматохе захватить власть.

И опять подымается из таинственных глубин души вопрос: возможно ли возрождение первохристианства в новое время? Оглянешься вокруг – опечалишься: нет. Приникнешь к корням традиционной культуры – откроются личности высокой ду-

ховности и веры, и поймешь, какие великие задатки Творец вложил в человечество.

Общее дело, то есть сотрудничество человека с Богом, проповедуемое Н.Ф. Федоровым, получало и получает разные оценки. Об интересе В.С. Соловьева к Федорову свидетельствует книга «Оправдание Добра», одушевляемая надеждой на прогрессивно-оптимистический путь развития человечества. Интерес Достоевского к Федорову открывается в беседах старца Зосимы: будущее России – в возвращении к Богу, ибо только человеческое духовное достоинство во Христе есть равенство и братство; как только люди поймут это, наступит рай. Религиозную сущность творчества Федорова сильно и точно выразил Б.П. Вышеславцев: «Когда Апостол говорит, что мы «призваны к свободе», – это значит: «призваны» к творчеству, к делу, к соборному «общему делу» (Федоров), ко всей полноте исторического творчества, к «домостроительству Таин Божиих» (1 Кор. 4). В домостроительстве действует наша свобода, но в нем действует и Божья благодать...»¹⁸

Федоров «испытывает» веру на Руси, находит несогласие между храмовой службой (учение о Троице как согласии, взаимной любви, как отрицании вражды) и внехрамовой жизнью, которая руководствуется скорее обычаями, чем учением. У первых христиан было иначе: вера в Бога, любовь к Богу – и общее делание дел Божьих вне храма, в обыденности, в быту. Второе Федоров и призывает возродить в новом времени.

После грехопадения человечество пошло путями Каина. До сих пор ни реформы, ни революции, ни демократия – исход из разлагающихся монархий и империй – не способны вывести на верную – Божью – дорогу, наоборот, только ускорили наш бег к Страшному суду. Философия, разочарованная прошлыми неудачными опытами, в тупике. Осталось в душах непосредственное жизнеощущение надвигающейся беды, свойственное ученым и неученым, верующим и неверующим. К ним и обратился Федоров: оставим пути Каина, связанные с ними предубеждения. Поймем: в истории человечества, в истории географических открытий сквозит замысел Божий о единстве человечества по образу и подобию Троицы, о жизни в согласии и любви, исключающей вражду. Человечество в пору незрелости исказило замысел Божий. В зрелости, не дожидаясь одряхления, должно вернуться к делам, угодным Богу, к общему делу. Как только это совершится, человечество станет сотрудником в Божьем домостроительстве со всеми вытекающими отсюда великими последствиями.

Осуществимо ли учение Федорова? «Довод о невозможности здесь не имеет никакой силы, – пишет Вышеславцев, – ибо человеку свойственно стремиться к невозможному. Нельзя быть совершенным, как Бог, и, тем не менее, постулат совершенства сохраняет все свое значение». ¹⁹ Да, сохраняет, утверждает Н.С. Гумилев в апреле 1921 года:

*Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.*²⁰

И все же: разве греховное первородным грехом человечество способно соединиться в общем деле на земле? Владимир Лосский говорит об «эсхатологическом утопизме Федорова»: путь соединения с Богом – обожение – совершается в пакибытии, затем продолжает: начало же в земной жизни, в сотрудничестве человека с Богом, в свободном приятии благодати, делание и созерцание, сознательность на всех ступенях восхождения к Богу.²¹

Обнаруживается, пусть хоть частичное, оправдание учения Федорова (сотрудничество человека с Богом еще на земле). Удивляет и поражает непоколебимая вера самого Федорова в Провидение и в свое учение, искренность и глубина, и сила этой веры. Архиепископ Сергей Страгородский («Православное учение о спасении») помогает понять: «Верующий в вере своей находит дерзновение обратиться к Богу и, таким образом, вступает в общение с Богом, принимает это общение. Верующий, укрепленный силой Божией, устремляется к жизни святой и тем начинает ее». И еще: «Православное учение, взятое в его чистоте, ... признает вечную жизнь лишь продолжением жизни настоящей. Последовательнее и яснее других священных писателей проводил эту мысль Апостол Иоанн Богослов...»²²

Кто, кроме Создателя, ведает, до какой степени святости должен дожить человек на земле? Вникнув в суждения архиепископа Сергия и Владимира Лосского, можно с полным правом отнести их к Федорову, понять и объяснить его личность.

Дерзновенная вера Федорова в Провидение и в свое учение, в возможность единения человечества в общем деле – это вера человека, изжившего в себе первородный грех по дарованной ему благодати. Сущность его творчества вряд ли дос-

тупна филологическому или философскому анализу. Только духовному зрению...

«Человеку свойственно стремиться к невозможному» – это признание духовного подвижничества русской классической литературы и русской религиозной мысли. «Горение ко кресту», по Е.Н. Трубецкому, есть смысл жизни: «Человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность». «Создание собственного своего образа по образу и подобию Божию и есть то подлинное, субстанциональное и творческое дело, к которому призван человек. Относительные ценности служат лишь средством для этого творчества...»²³

В заключение – характерный пример, поясняющий, что закон тождества узок для соборности. Пушкинский «Пророк», глубокий анализ которого есть в статьях В.С. Соловьева, для нас сейчас как бы тезис. В современной поэзии не найдем отклика на призыв поэта.

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Последнее стихотворение Лермонтова тоже «Пророк» – антитезис пушкинскому.

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

На лермонтовский вариант современная поэзия отозвалась: «Мир не принял Христа...» – иеромонах Роман. Ранее Николай Гумилев:

*И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.
Но им так чужд призыв победный...»²⁴*

В стихотворении Хомякова – малоизвестном, потому приведу его полностью – очевиден синтез пушкинской и лермонтовской тем.

*Как часто во мне пробуждалась
Душа от ленивого сна,
Просилась людям и братьям
Сказаться словами она!*

Как часто, о Боже, рвалась
Вещать Твою волю земле,
Да свет осияет разумный
Безумцев, бродящих во мгле!
Как часто, бессильем томимый,
С глубокой и тяжелой тоской,
Молил Тебя дать им пророка
С горячей и крепкой душой!
Молил Тебя в час полуночи
Пророку дать силу речей,
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды Твоей!
Молил Тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерт пред Тобой,
Дать миру и уши и сердце
Для слушанья речи святой!²⁵

В современной поэзии моление Хомякова нашло отклик – не непосредственный, конечно, не на стихотворение, а на тему, – у иеромонаха Романа: «Россию спасет только чудо, Но вымолим чудо ли мы?» И еще («Одинокий путь», с. 127):

Когда народ вступал от Света в Тьму
И жертвенникам чуждым поклонялся,
Кого пошлю к народу Моему?
Взывал Господь – и кто-то отзывался.
И подымался ненавистник лжи,
И шел к царям с великим дерзновеньем,
И говорил – что Бог ему вложил,
И врачевал глаголом отпадение.
Хоть мир сейчас в возлюбленную тьму
С завидным ускорением несется,
Кого пошлю к народу Моему?
Не спросит Бог – никто не ответится!

В трех разноречивых, разносмысленных стихотворениях девятнадцатого века о пророках и пророчествах есть общие тревоги; надежды и опасения за судьбу народа и страны пока еще в динамическом равновесии, вера в Провидение в людях жива. В нашу эпоху подобные тревоги за судьбу народа и страны склоняются от надежд к опасениям и разочарованиям: люди забыли Бога. С нами сыграла дурную шутку наша всемирная отзывчивость, которую восхищался Достоевский. Мы отзываемся и отзывались на все плохое, что есть в Европе и Америке: принимаем то классовую борьбу, то глобализацию.

И все же лучшие русские люди верят: душа человеческая по природе христианка, революции и глобализации пронесутся над нею, не коснувшись ее глубин. Среди них Николай Гумилев («Потомки Каина»):

Он не солгал нам дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь высшей мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».
Для юношей открылись все дороги,
Для старцев – все запретные плоды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.
Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?²⁶

Возрождение и спасение в соборности, основа ее – «верующий разум», возвращенный и воспитанный Церковью, а она – столп и утверждение истины. «Церковь зовет в свои объятия все народы и, в полноте несомненного упования, ожидает своего Спасителя, – пишет Хомяков. – Спокойным оком зрит она, как век за веком, волна за волною, гроза исторических тревожений, потоки страстей и мыслей человеческих клубятся и мечутся вокруг камня, на котором она утверждает, – зрит и не смущается, ибо верит в его несокрушимость. Камень этот – Христос!»²⁷

Что тут можно добавить? Смирненно помолиться со священномучеником Серафимом Чичаговым: «Да будет воля Твоя».

Распутье культуры. Распутье жизни. Камо грядеши?..

Примечания

¹ См. Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного Эроса. Москва, 1994.

² См. И.К. Рогощенков. Камо грядеши? (чье «евангелие» в романе Булгакова «Мастер и Маргарита?»). Евангельский текст в русской литературе. Сборник научных трудов. Вып. 4. Петрозаводск, 2005, с. 605-608.

³ Цитирую по книгам иеромонаха Романа, изданным в Минске Белорусским Экзерхатом: «Внимая Божьему велению», 2000, «Перед всеми душа виновата», 2006, «Одинокий путь», 2008, «И горько слово...», 2009.

- ⁴ Сергей Фудель. Путь Отцов. Изд. Сретенского монастыря. 1997, с. 36-60, 135.
- ⁵ А. Майков. Избранные произведения. БП, 1977, с. 63.
- ⁶ Н.Ф. Федоров. Собрание сочинений в четырех томах, 1995, том второй, с. 136-140.
- ⁷ Иннокентий Анненский. Книги отражений. Изд. «Наука», Москва, 1979, с. 249.
- ⁸ М.Ю. Лермонтов. Полное собрание стихотворений. БП, 1989, т. 1, с. 99.
- ⁹ М.Ю. Лермонтов. БП. Т. 2, с. 22.
- ¹⁰ Архиепископ Сергей Страгородский. Православное учение о спасении. Изд. отдел Московского Патриархата. Репринт. Москва, 1991, с. 90, 100; Владимир Лосский. Боговидение. АСТ, 2008, с. 734-750.
- ¹¹ Максимилиан Волошин. Жизнь — бесконечное познание. Москва, 1995, с. 148.
- ¹² Константин Леонтьев. Храм и Церковь. АСТ, Москва, 2003, с. 371, 608-618.
- ¹³ А.С. Хомяков. Церковь одна. Москва, 2001, с. 226
- ¹⁴ Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, Творения. Изд. «Отчий дом», 1994, с. 105.
- ¹⁵ И.В. Киреевский. Критика и эстетика. Изд. «Искусство», Москва, 1979, с. 318.
- ¹⁶ Е.Н. Трубецкой. Смысл жизни. Изд. «Республика», Москва, 1994, с. 183.
- ¹⁷ Константин Леонтьев. Храм и Церковь. С. 75.
- ¹⁸ Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного Эроса. Москва. С. 89.
- ¹⁹ Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного Эроса. Москва. С. 324.
- ²⁰ Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. «Современник», Москва, 1989, с. 339.
- ²¹ Владимир Лосский. Боговидение. С. 196.
- ²² Архиепископ Сергей Страгородский. Православное учение о спасении. С. 248, 113-116.
- ²³ Е.Н. Трубецкой. Смысл жизни. С. 212, 219.
- ²⁴ Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. С. 45.
- ²⁵ А.С. Хомяков. Стихотворения и драмы. БП, 1969, с. 140.
- ²⁶ Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. С. 101.
- ²⁷ А.С. Хомяков. Церковь одна. С. 249.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

